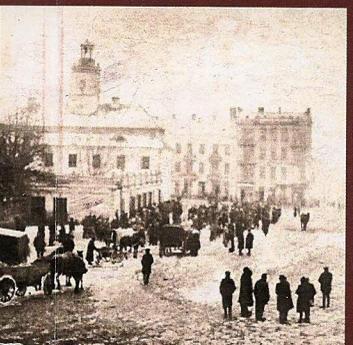

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НОВАЯ КУЛЬТУРНО-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

К 65-летию со дня рождения
профессора Т.А. Булыгиной

Ставрополь
2012

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**НОВАЯ КУЛЬТУРНО-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ**

*(К 65-летию со дня рождения
профессора Т.А. Булыгиной)*

Ставрополь
2012

УДК 94(47).08

ББК 63.3(2)5

Н 72

Редакционная коллегия:

Крючков И.В. (председатель), *Беликова Т.В.* (ответственный за выпуск),
Колесникова М.Е., Зозуля И.В., Албарцумян К.Р.

**Новая культурно-интеллектуальная история российской
Н 72 провинции (К 65-летию со дня рождения профессора
Т.А. Булыгиной).** – Ставрополь: ООО «Бюро новостей»,
2012. – 324 с.

ISBN 978-5-904693-41-1

Сборник научных статей посвящен 65-летию доктора исторических наук, профессора Булыгиной Тамары Александровны – известного историка и методолога, одного из ведущих специалистов в области изучения интеллектуальной истории России и российской провинции.

В сборнике представлены статьи по широкому кругу проблем региональной истории, аккумулирующие возможности как традиционных, так и современных конкурирующих практик исторического исследования. Авторами исследований являются ученые вузов Российской Федерации – коллеги и ученики ученого. В сборник включены исследования юбиляра, отзывы коллег.

Издание адресовано специалистам-историкам, студентам, а также всем интересующимся отечественной историей.

УДК 94(47).08

ББК 63.3(2)5

ISBN 978-5-904693-41-1

© Авторы, 2012

© ООО «Бюро новостей», 2012

Содержание

<i>Беликова Т.В., Колесникова М.Е.</i> История – строгая муза	4
<i>Стецура Ю.А.</i> Тамара Александровна Булыгина – научный лидер новой культурно-интеллектуальной истории Российской провинции	17
<i>Булыгина Т.А.</i> Повседневность северокавказского города в годы НЭПа ...	24
<i>Репина Л.П.</i> Метафора памяти в современной гуманитаристике	37
<i>Амбарцумян К.Р.</i> Информативные возможности провинциальной беллетристики как исторического источника по семейной повседневности (на примере повести И.Д. Сургучева «Губернатор»)	45
<i>Бочкарева З.В.</i> Работа отделов просвещения при городских управах на Северном Кавказе (1942 г.)	51
<i>Ермаков В.П.</i> Перспективы Антанты и Четверного союза в конце 1914 г. (по материалам газеты «Северокавказский край»)	55
<i>Зозуля И.В.</i> Условия работы российского судьи в начале XX века: к вопросу о служебной повседневности	63
<i>Калинина Е.В.</i> Социокультурные процессы в советской провинции в послевоенный период (1946–1950-е гг.)	71
<i>Калинченко С.Б.</i> Особенности формирования интеллектуальных центров Северного Кавказа	77
<i>Касевич Е.В.</i> Правовая регламентация статуса городского населения в России в конце XVIII – XIX вв.	83
<i>Клопихина В.С.</i> Истпарт как инструмент формирования новой модели исторического сознания (на примере работы истпартов Северного Кавказа)	87
<i>Кожемяко Т.Н.</i> Справедливость в общественном сознании советского общества в 1920-е гг. (на материалах Ставрополья)	94
<i>Колесникова М.Е.</i> Становление северокавказского историографического направления в отечественном кавказоведении в XIX – начале 30-х гг. XX в.	99
<i>Крючков И.В., Крючкова Н.Д.</i> Экономическое проникновение Германии на Кавказ в последней трети XIX – начале XX вв.	129

Кудрявцев А.А. Средневековые исторические хроники Северо-Восточного Кавказа и их роль в культурном развитии полиэтничного населения региона	140
Кузьмина О.В. Иностранцы колонисты в Российской империи в начале XIX в.	149
Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. История города как историографический феномен	158
Медведев Н.П. Историческая наука и политология: к вопросу об основаниях синтеза	174
Мининков Н.А. Актуальность историзма, или о значении методологического наследия Даниила Натановича Альшица	186
Немашкалов П.Г. Миграционные процессы в период колонизации Северного Кавказа в XIX веке	194
Оборский Е.Ю. Дискурс «революция 1917 года»: к постановке проблемы	204
Плохотнюк Т.Н. Проблема государственной принадлежности мигрантов в условиях трансграничных перемещений населения: российский опыт регламентации	208
Птицын А.Н. Социальный облик чешской переселенческой общины в России в конце XIX – начале XX в.	214
Романова Н.В. Особенности работы партийных органов Ставрополя и Кубани по осуществлению культурной политики в 50–60 гг. XX века	222
Самсонова С.А. Беспризорники как элемент городской жизни в 20-е годы XX века (на примере Ставрополя)	227
Сердюков Г.Н., Трани Н.А. Экономическая и социально- политическая ситуация в Джавахетии в контексте российских геополитических интересов	232
Стрекалова Е.Н. Интеллигенция Ставрополя в 1920 г.: принимая новую социальную реальность	242
Судацков Н.Д. Земство на Ставрополье	252
Суханова Н.И. Февраль 1917 года и Белое движение на Юге России	265
Федько И.В. Эсеры на Дону в 1908-1914 гг.: основные направления «рабочей политики»	271

<i>Штайн К.Э., Петренко Д.И.</i> Традиционная символика дома в городской среде Ставрополя	280
ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТРУДОВ Т.А. БУЛЫГИНОЙ	297
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	318

9. ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. XXVIII. № 21 163.
10. Там же.
11. РГИА. Ф. 821. Оп. 6. Д. 4. Л. 74.
12. ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. XL. № 30 488.
13. Свод законов Российской империи (СЗ РИ). Устав о колонистах. Т. 12. Ч. 2. СПб., 1857.
14. Клаус А. Наши колонии... С. 3.

Маловичко С.И., Румянцев В.И.

ИСТОРИЯ ГОРОДА КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Трансформации исторического знания в ситуации постмодерна и в процессе преодоления сравнительно часто становятся предметом рефлексии историков. Однако, сосредоточившись на сменах парадигм и методологических концепций, исследователи гораздо меньше внимания уделяют трансформациям *структуры* исторического знания, соотношения его различных направлений и предметных полей, а также социальное ориентированного историописания и научного исследования истории. В этом плане представляется актуальным специальное исследование истории истории (истории научного изучения и историописания) такого феномена культурной, социальной и политической жизни человечества, как город, неизменно привлекающий внимание исследователей.

В рамках европейской классической модели историописания, начиная, в первую очередь, обслуживала процесс национально-государственного строительства в Европе, городская проблематика не оставалась на периферии, поскольку история даже самой ранней государственности не мыслилась без ее политико-административного центра; город представлялся маркером развития общественной жизни. Неслучайно, во второй половине XIX в. русский историк И.И. Дитятин заметил: «Роль города... была слишком велика в истории цивилизации вообще, чтобы на нее можно было не обращать внимания при изучении истории развития общественно-государственного строя»¹.

Следует учитывать, что на внимание к городской тематике повлияла одна из первых научных теорий, выработанных эпохой Просвещения — это социальная стадийная теория, представленная довольно удобной для восприятия схемой этапов развития человечества: «дикость — варварство — цивилизация». Последняя, самая прогрессивная ступень развития — «цивилизация», была представлена европейскими сообществами, знавшими

деревенской жизнью (в отличие от первой ступени – обществ охотников и кочевников и второй ступени – оседлых земледельческих обществ): русский просветитель С.Е. Десницкий в 1775 г. указывал, что на третьей ступени развития человечества «первоначальные уничтожительные житейские забвению предаются, *оставляется бедным сельская жизнь, богатым изобудутся грады* [выделено нами – С.М., М.Р.]². Историческая мысль оказалась очень внимательна к стадийной теории и в результате того как объект исторического изучения стал привлекать внимание историков еще в XVIII в., а о сельской истории (именно сельской, деревенской или крестьянской) заговорили только на исходе XX в.³

Сегодня можно заметить обеспокоенность некоторых историков, широко поддерживающих развитие местной истории и исторического краеведения, тем, что профессиональные историки, изучающие отдельные районы (в том числе города, округа, графства и т.д.), отказываются признать себя местными историками⁴. Со стороны этих историков раздается голоса о том, что практика местного и регионального исторического исследования является, по своей сути, практикой исторического краеведения, что настойчивые «попытки отдельных историков [именно в виду, в первую очередь, историки, работающие в предметном поле новой локальной истории – С.М., М.Р.] подменить (заменить) термин «историческое краеведение», иным, чаще всего калькированным, словом, скорее всего, обречены на неудачу»⁵. Мы согласны с тем, что профессиональные историки (не по диплому, а по владению профессией, что предполагает современные знания в сфере эпистемологии и методов научного исследования) с подозрением смотрят в сторону местной истории / исторического краеведения (ниже мы к этому еще вернемся), но не можем принять позицию, заключающуюся в том, что локальная, городская, новая локальная и др. истории являются, по существу, местной историей / историческим краеведением.

Отсюда исследовательская задача, решаемая в данной статье, – развести практики местной истории и исторического краеведения, с одной стороны, и исследовательскую практику истории города, с другой.

Предварительно сделаем одно терминологическое замечание: словосочетанию *история города* мы придаем терминологический смысл, считая его более определенным по объекту исследования, чем словосочетание *городская история*, которое в русском языке имеет определенные литературные / нарративные коннотации. И именно определенность объекта позволяет рассматривать историю города как оформившуюся историческую дисциплину в структуре научного исторического знания.

В качестве синонимичного понятию *история города* мы рассмотрим понятие *историческая урбанистика*. В англоязычной литературе существует словосочетание *urban history*, которое обычно переводится словосочетанием *городская история* (ниже мы таким образом переводим названия соответствующих журналов). Но в этой связи заметим два обстоятельства: во-первых, дословный перевод понятий исторической урбанистики не всегда наиболее корректный; во-вторых, в ряде случаев слово *urban* переводится не как прилагательное – определение *городской*, а как существительное в качестве определения – *города*. Например, *urban renewal* – возрождение городов, *urban sprawl* – расползание городов, *urban blight* – деградация городов»⁶.

Для решения поставленной исследовательской задачи мы рассмотрим вопрос об интересе историков к такому объекту изучения как город, дадим характеристику местной истории и историческому краеведению, изучавшим историю городов, а также обратим внимание на предметное поле истории города, являвшейся научной практикой изучения городского прошлого.

Самостоятельный интерес тема истории того или иного города приобрела в XVIII в. в рамках получившей широкое распространение местной истории. Как отмечает Р. Свит, восприятие непрерывности существования городского сообщества из самого далекого прошлого в течение долгого времени является одной из важнейших составляющих коллективной памяти горожан. Интерес к прошлому, связанный с чувством патриотизма к своему месту, по мнению Р. Свит, был важным компонентом городской культуры на всем пространстве Европы⁷.

Обращение к местной истории, в значительной мере, инициировалось несколькими причинами.

Во-первых, появление практики написания национально-государственной истории, выполняемой известными историописателями, дало повод для размышления о возможном ее дополнении местными сюжетами, на которые, по мнению местных авторов, не акцентировали внимание исследователи, писавшие историю целой страны. Например, тверской историописатель Д. Карманов в 1775 г. отмечал, что пока «не можем еще похвалиться, что имели мы совершенную всех российских областей историю. О многих родах сего недостает, в том числе о Твери – моем отечестве»⁸.

Во-вторых, практика местного историописания была обусловлена процессом строительства коллективной идентичности городских сообществ и конструировать ее начали грамотные, питавшие любовь к истории местные авторы, творчество которых зависело не столько от профессиональ-

и исторической) подготовки, сколько от их положения в социальном пространстве – на местном / городском или на государственном уровне.

Сам смысл местной истории заключается в формировании исторической памяти городского сообщества и строительстве нужной (с точки зрения автора или конкретного социума) идентичности. Историк города Престона М. Толкит в первой четверти XIX в. писал: «В конце концов снисходительный читатель, города и небольшие городки – ничто для историка; и что было бы с Престоном, со всеми его красотами, торговлей и коммерцией, если бы я не описал, как происходило его процветание»⁹. Местные историописатели не редко рефлексировали о том, почему помещают в свою историю именно то, что на их взгляд достойно внимания земляков. Подробные размышления на эту тему находим в конце XVIII в. у архангелогородского историописателя В.В. Касьянина: «Все повествуемые мною, в настоящем начертании Архангелогородской истории, деяния нашего посада и приключения городовые, происшедшие прежде 1700 года, утверждаются старинными свитками и записками, в собственных моих руках или под моим ведомством обретающимися. Повествование же о делах первой половины настоящего века имеют свое основание частию на письменных свидетельств, и частию на не сумнительных сказаниях исправных свидетелей. Градские приключения, последовавшие в течении настоящего 18 года половины, доказательны свидетельствами магистратского и гражданского архивов. Малое число приключений, которые письменных документов не имеют [т.е. о них нет сообщений в письменных источниках – С.М., М.Р.], но исторической памяти достойны [выделено нами – С.М., М.Р.]... занимают место в нашей городской истории». История этого города писалась для его жителей, о чем и сообщил автор, «дабы граждане мои [архангелогородцы – С.М., М.Р.] не могли оскудевать в части человеческого познания»¹⁰.

Местная история удовлетворяет врожденное человеческое желание на приобретение знания о месте, в котором человек живет, причем, по замечанию Дж.А. Амато, – знания, формирующего не критическое, а лояльное отношение к образу этого места¹¹. Мысль современного американского историка можно подтвердить словами провинциального российского историописателя конца XIX в., указывавшего: «Мы хотели главным образом дать местному населению сбор таких фактов, из которых более или менее была бы ясна для него историческая роль родного города и его судьбы, а потому полная оригинальность и самостоятельность, а тем более строгая научность не были преимущественной целью нашего труда»¹².

В-третьих, надо согласиться с Б. де Л'Эстуалем, что, кроме мотива поиска идентичности, другим побудительным мотивом для занятия местной историей является процедура признания ее автора в качестве специалиста в прошлом своего локуса и почетного жителя города или провинции¹³. Естественно, что, в силу обстоятельств принимая на себя обязанности местного историописателя, авторы вводили себя в круг историков, и если свой труд они адресовали горожанам, то его критический разбор доверяли уже не им, а только историкам. «Несовершенство своего историка, — писал архангелогородский историописатель В.В. Крестинин, — исправляется совершенством другого. Общее сие правило для исторической истины наблюдать нужно. Я желаю, дабы по сему правилу настоящее мое сочинение приведено было в совершенство людьми просвещенного разума, старающимися расширением наук расширить общую пользу отечества»¹⁴.

В Российской империи обратились к изучению отдельных мест государства, в том числе городов, во второй половине XVIII в. Практика местной истории определялась ее конкретным характером связи с местным его пейзажем, местной топонимикой, памятниками истории и людьми жившими в этом месте. Преподаватель вяземской гимназии И.П. Виноградский, адресуя свою книгу местному сообществу, вполне откровенно подчеркивал, что этот труд нужен именно им — вяземцам. «Издавая исторический очерк г. Вязьмы, мы прежде всего имели в виду местное население, к нему и включили в него все, имеющее местный интерес», — писал он¹⁵.

Местное историческое повествование, помимо стремления автора «встроить» прошлое своего локуса в национальный контекст, было мотивировано желанием восстановить образы локальной коллективной памяти и, главное, выбрать те образы, которые подходят нуждам настоящего. Чтобы доказать, что это место достойно проявляемого к нему интереса, и для этого выделить его среди других локальных объектов, наделив историческими особыми чертами. Удобной для достижения этой цели характеристикой могла быть древность места, поэтому историописатели старались черпать из исторических источников или исторической литературы упоминания о возможно более древнем историческом существовании топонимического локуса. Р. Свит отмечает, что, описывая происхождение городов из «седой древности», историописатели могли установить связь с той или иной же «древней историей» страны и тем самым включить свой локус в такую часть конструкции прошлого страны, которая не могла быть забытой славной в силу своей древности. Таким образом, национальное самосознание повторялось в конструируемых городских мифах¹⁶.

Абсолютно некритическое отношение к конструированию национальной истории могло заимствоваться местными писателями у авторитетных исторических авторов. Например, известный собиратель древностей граф А.И. Мусин-Пушкин без опоры на какие-либо исторические источники и даже легенды в конце XVIII в. писал о Киеве и Смоленске: «О начального строения сего города [Киева] достоверных повествований не обретаю, но многие обстоятельства заставляют полагать, что основание его предшествовало гораздо раньше Христианского летосчисления», а Смоленск «старейшею древностию не уступающий Киеву»¹⁷. Через несколько лет, в начале XIX в. в книге Н.А. Мурзакевича (смоленский дьякон Нижегородской губернии) отмечалось: «... Смоленск и другие древнейшие Российские города ещё до Рождества Христова построены славянами»¹⁸. Местный историк-писатель не указал, какой источник предоставил ему такие сведения. Еще через полвека в «Памятной книжке Смоленской губернии» П.Д. Шестаков, определяя время возникновения Смоленска, написал: «Один из князей благословил Крестом Киевлян и Смольян, в водах одной реки приняли они святое крещение»¹⁹. В сообщениях исторических источников и утверждения указанного времени подобной градостроительной деятельности восточных славян, конечно, никто не найдет. А.И. Мусин-Пушкин, в следом за ним и Н.А. Мурзакевич и П.Д. Шестаков вполне обожались без них. Историографическая фаза критики источников и исторической литературы была заменена ими простой, но нужной для конструирования такой идентичности нарративизацией.

Естественное желание местных исследователей выделить *свое* место (город из других, *не своих*, мест никуда не исчезло вместе с появлением исторического краеведения. Современный историк С.П. Шавелев признает, что как советские, так и постсоветские краеведы, помимо удовлетворения потребности своих земляков в познании местной истории, «приносили немало вреда». Некоторые из них «инициировали фальсификацию 100-летних юбилеев ряда областных центров Центральной России (начиная с Белгорода); пытались сделать то же самое в Воронеже, и в Липецке, в Курске, в других местах. Они фанатично стремились не установить, сколько тому или иному поселению на самом деле лет, а во что бы то ни стало удревить этот возраст до предельной, а то и запредельной даты»²⁰.

Такая практика местного историописания была присуща всем странам, где была распространена классическая европейская модель истории. Неслучайно, американский историк середины XX в. Ф.Д. Джордан вынужден был отметить, что в течение долгих лет местная история сводилась авторами, которые «неразумно смешивали факты с бел-

летристикой и баснями, фальсифицировали их»²¹. Мы не ошибемся, если скажем, что работы по местной истории тяготели к классической модели национально-государственной истории, однако профессионализация историографии делала их практику историописания все более и более маргинальной по отношению к развивавшемуся научному историческому знанию. Местные историки мало интересовались происходящими в науке изменениями, не замечали разницы в теоретических подходах историков по тому или иному вопросу.

Местные исследователи, с точки зрения исторической науки, довольно вольно относились к историческим источникам. Приведем несколько примеров рефлексии авторов городских историй об источниковой базе своих работ и об отношении к историческим источникам. В самом начале XIX в. историк Переславля-Залесского отмечал: «Что следует до древности заведения города и других строений, равно бывшего в нем поселения, и происхождения во время его и после достопамятных происшествий..., оное почерпнул я из разных книг; а из каких? Читатель усмирит означение их на каждой, где следует, странице»²². В середине XIX в. В.А. Борисов пространно отмечал по этому поводу: «...Я будучи не ученым, зная одну русскую грамоту, и имея одну любовь к древностям, свою рукописи не мог дать ученого плана и изложения, — и все, мною собранное, почитаю не более, как сборником старинных и частию новейших материалов для полнейшей истории г. Шуи. При том же многие сведения помещаю собственно для своих сограждан [горожан — С.М., М.Р.] многие любознательные найдут в них для себя не мало любопытного нового, касательно древнего быта, устройства и управления Шуи. С уверенностью могу сказать, что в описании моем нет ничего несправедливого. Ибо все основал я на письменных актах, подтверждаемых письмами и преданиями, заслуживающими всякое вероятие»²³.

Местные историки полагали, что ценность могут представлять лишь работы, которые дают больше интересного и / или фактического материала для описания прошлого их локуса. Поэтому, объяснительная стратегия местными историками чаще всего выстраивалась на «фактах» и остается привычной многим современным краеведческим работам, авторы которых (в числе с научными степенями) могут заметить: «Основой повествования послужили *научно-исторические факты и действительные события* [выделено нами — С.М., М.Р.]»²⁴ или что ими «впервые вводится в научный оборот *значительное количество дат* [выделено нами — С.М., М.Р.]»²⁵.

В западноевропейском и российском местном историописании (историческом краеведении) второй половины XVIII — начала XXI в. исследователи

не входят как *антиквариизм*, так и черты *эрудитского* типа историописания²⁷. Л.Б. Сукина добавляет, что сегодня, к сожалению, на стезю «антисистемной истории» нередко скатываются исследователи истории русских городов. Их труды строятся, в основном, «по привычным хронологическим схемам, заимствованным из вузовских и школьных учебников истории. Большие усилия специалистов тратятся на то, чтобы “закрыть” цифрами и фактами тот или иной отрезок городской истории, пусть даже и не оказавший никакого влияния на будущее развитие региона. Полученная информация даже после публикации часто остается никем не востребованной, так как почти ничего не дает для лучшего понимания событий и феноменов прошлого и при этом не обладает качеством занимательности»²⁷.

Уже с XVIII в. заметна тесная связь национально-государственной и местной историй, по крайней мере, российские, британские, французские, американские, а особенно (до объединения под эгидой Пруссии) немецкие историописатели обращались к темам, связанным с древними этапами развития того или иного княжества-земли, графства, герцогства, а также вместе с их важнейшими городскими центрами и прослеживая историю более чем тысячелетнюю историю, отмечали последующие политико-административные мероприятия центральной власти по отношению к местным объектам их рассмотрения. На историю того или иного локального места местными историописателями накладывалась существующая конструкция национальной истории и, более того, местные историки черпали в нее многие сведения, казавшиеся им важными. Историописатель города Переславля-Залеского писал: «Родясь и живя долгое время в городе Переславле-Залеском, заметить я мог издавна древности онаго, когда сообразуя с разными Писателями Исторических происшествий, относящихся до общей Истории Российского Государства, выбирал я из них все касающиеся до того города события, помещая к тому прочее принадлежащее моему, из чего и составлялась книга сия»²⁸.

Ориентация на государственный исторический нарратив приводила к тому, что структура трудов по местной истории, представленная, в большей степени, этапами национальной, а не местной истории, часто напоминала этот самый государственный исторический нарратив. Современный историк Т.А. Бэрнхэрт отмечая сильную зависимость местной истории от истории национальной, обращает внимание на то, что признавание этого факта не должно затмевать интеллектуального различия между тем, как работают «местные» и «профессиональные» историки²⁹.

Современные, как российские, так и британские, специалисты в области исторического краеведения и местной истории, признавая за ними истори-

ко-просветительскую функцию и характер общественной деятельности в общественном движении, позиционируют их как направления исторической науки³⁰. Нам уже неоднократно приходилось писать о принадлежности местной истории и исторического краеведения к типу социально ориентированного историописания, другому по отношению к научной истории³¹.

На наш взгляд, местная история, в том числе, изучавшая прошлое городов, выполняла функцию конструирования ориентированного на удовлетворение потребностей локального социума исторического знания о его прошлом, которое не базировалось на исторической науке; при этом такая местная история стремилась задействовать научный аппарат. Местная история могла существовать, только подражая линейной модели классической европейской историографии; только в таком виде была возможна ее трансляция в общественное сознание. Практика местной истории рождалась и развивалась параллельно со становлением классической модели европейской историографии, она брала пример этой модели и даже задействовала ее фактологию.

Но уже со второй половины XIX в. сложившаяся модель классической европейской историографии перестает удовлетворять часть историков, которые выступили против одной из черт устоявшейся схемы государственной истории — принципа государственной централизации. На наш взгляд, критика историками этого принципа позволила обратить внимание исторической науки на объекты исторического исследования, которые являлись лишь отдельными частями той или иной государственной территории, сделать специальным объектом исследования локально-тождественный государству.

На рубеже XIX–XX вв. все очевиднее становится кризис линейной модели истории и профессиональная историография сосредотачивается на истории не столько диахронических, сколько синхронических социально-экономических, культурных, в том числе и региональных, процессов, помещаемых в исследовательской практике в широкий контекст (И.М. Гревс, И.В. Лучицкий, М.М. Богословский, Г. фон Белов, А. Леру и др.). Формирующаяся неклассическая историческая наука все сильнее отстраняется от общественного сознания, трансформирующегося отчасти в массовое сознание, так как нелинейную историю сложнее транслировать в общество, нежели традиционный линейный исторический рассказ.

Таким образом, историческое краеведение и организационно трансформирующаяся местная история в Западной Европе и США (после смену разрозненности местных историописателей приходят объединяющие их общества и ассоциации, возникающие, в том числе, при

университетах) как самостоятельные области исторического предмета, предметом которых является история места (локуса), конституируются в неклассической науке, в условиях кризиса линейной модели историко-государственного историописания и начала разрушения классической структуры исторического знания.

В рамках неклассической исторической науки (в том числе, заинтересованной негосударственными акторами исторического процесса) исторический самостоятельный объект исследования стал рассматриваться с новых позиций, в основе которых лежало отличное друг от друга понимание, которое предшествует процессу историописания и во многом обуславливает его.

Город изучался и изучается историческим краеведением. При этом, историческое краеведение, как и традиционная местная история, целью историописания ставили, не всегда эксплицированно, строительство идентичности. Таким образом, историческое краеведение, в основе которого лежала традиционная модель местного историописания (неслучайно, сегодня председатель Союза краеведов России заявляет местную историю как предмет изучения исторического краеведения³⁴), мобилизуя историческую память жителей того или иного локуса, стало удовлетворять потребности массового сознания в построении новой (советской, а затем уже и постсоветской) локальной идентичности.

Историческое краеведение относится к социально ориентированному типу исторического знания (параллельно сосуществующему с научно ориентированным его типом) и сегодня помогает производить искусственную коммеморацию, столь необходимую как для больших, так и для малых общностей. Неслучайно, на сайте «Российский краевед» говорится «об историческом краеведении, как инструменте формирования исторического сознания». Более того, там подчеркивается, что историческое краеведение изучает то или иное место для поворота «в практическое русло традиций и тенденций регионального развития» [выделено нами – С.М., М.Р.]³⁵, что само за себя говорит о его социальной, а не научной направленности.

2) Городская проблематика по-новому стала рассматриваться направлением *история города*. Это направление, принадлежащее к научно ориентированному типу исторического знания, возникло не в местном историописании, а независимо от него. Как направление исторической науки она зародилась в ее неклассической модели, в частности, в поле социальной истории. Сама социальная история, появившаяся еще во второй четверти XX в., первоначально воспринималась как оппозиция тра-

антропологии К. Гирца и пространственного поворота город начинают рассматривать как культурный феномен, появляется подход, получивший название «город как текст». Примечательно, что если сентябрьский 2004 г. номер канадского журнала «Urban History Review / Revue d'histoire Urbaine» открывался статьей А. Гордона о возможности применения подходов новой культурной истории при изучении истории города и исследователь старался продемонстрировать, что может дать культурный поворот для изучения прошлой городской жизни⁴⁶, то уже через несколько лет, анализируя новые тенденции, произошедшие в европейской и американской историографии города к 2008 г., Л. Тилли пришел к выводу, что можно говорить о появлении «новой городской истории», ориентирующейся на культурные подходы к городскому прошлому⁴⁷.

С 90-х гг. XX в. в предметном поле истории города начинают работать российские историки. К настоящему времени можно констатировать, что центры изучения истории города сложились в Твери⁴⁸ и Омске⁴⁹. Проблематика истории города представлена на интернет-конференциях Межвузовского научно-образовательного центра «Новая локальная история»⁵⁰.

1. Дятлин И.И. Устройство и управление городов в России : в 2 частях, 1875. Т. 1. С. 3.

2. См.: Десницкий С.Е. Юридическое разсуждение о начале и продолжении супружества у первоначальных народов и о совершенстве, к которому оно приведенным быть кажется последовавшими народами посвященнейшими // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века : в 2 т. М., 1952. Т. I. С. 263.

3. См.: Румянцева М.Ф. Возможна ли «сельская история»: полемические заметки // Новая локальная история : межвуз. науч.-образ. центр Ставропол. гос. ун-та и Рос. гос. аграр. ун-та – МСХА им. К.А. Тимирязева [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Б. м., б д. URL: <http://www.newlocalhistory.com/node/138> [дата обращения: 16.05.2012]; Ма-

4. См.: С.И., Зайцева Н.Л. Сельская история в проблемном поле «новой локальной истории» // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. 30-31 марта 2006 г. Омск, 2006. С. 11–15.

5. Introduction : local History in the twenty-first century / Christopher Dyer, Andrew Hopper, Evelyn Lord and Nigel Tringham // New Directions in Local History since Hoskins / New Directions in Local History since Hoskins / eds by Christopher Dyer, Andrew Hopper, Evelyn Lord and Nigel Tringham. Hertford : Univer. of Hertfordshire Press, 2011. P. 5–6.

5. Козлов В.Ф. Историческое краеведение как научное направление (о спорах вокруг определения, задач, перспектив развития) // Труды Первого Всероссийского съезда историков-регионоведов (Санкт-Петербург, 11-13 октября 2007 года) / отв. ред. Л.А. Вербицкая, А.Ю. Даничиенко, Ю.В. Кривошеев : в 3 т. СПб., 2010. Т. 1. С. 69.

6. Яндекс: Словари. [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Б. и Ф. д. URL: <http://slovari.yandex.ru/urban/en-ru/#lingvo/> (дата обращения: 19.07.2012).

7. Sweet R. The Writing of Urban Histories in Eighteenth-Century England. Oxford : Clarendon Press, 1997. P. 1.

8. Исторические известия тверского княжества, почерпнутые из древних российских летописцев, с приобщением новейших его приложений / составил Д.И. Карманов // Карманов Д.И. Собрание сочинений относящихся к истории Тверского края. Тверь, 1893. С. 17–18.

9. Цит. по: Sweet R. The Writing of Urban Histories... P. 1 (Tucker W. Topographical, Statistical and Historical Account of the Borough of Preston. Preston, 1821. P. 324).

10. [Крестинин В.В.] Краткая история о городе Архангельском... сочинена архангелогородским гражданином Василием Крестининым. СПб., 1792. С. IV–V.

11. Amato J.A. Rethinking Home: A Case for Writing Local History. Berkeley & Los Angeles : Univer. of California Press, 2002. P. 4.

12. [Виноградов И.П.] Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времен до XVII в. (включительно). С прилож. плана города 1779 г., родословной князей Вяземских, описания древней крепости и мног. друг. / составил И.П. Виноградов, преподаватель Александровской Вяземской гимназии. М., 1890. С. III.

13. L'Estoile B. de. Le goÿt du passÿ: Ыrudition Locale et Appropriation du Territoire // Terrain : Revue d'Еtnologie de l'Еurope, 2001. № 37. P. 23.

14. [Крестинин В.В.] Краткая история о городе Архангельском... С. III.

15. [Виноградов И.П.] Исторический очерк города Вязьмы... С. III.

16. Sweet R. The Writing of Urban Histories... P. 2.

17. Мусин-Пушкин А.И. Историческое исследование о местоположении древнего российского Тмутараканскаго княжения. СПб., 1794. С. XX.

18. Мурзакевич Д.Н. История губернского города Смоленска от древнейших времен до 1804 года. Смоленск, 1804. С. 10.

19. Шестаков П.[Д.] География Смоленской губернии // Памятная книжка Смоленской губернии на 1857 г. Смоленск, 1857. Ч. 2. С. 5.

1. Шавелев С.П. Заслуги и недостатки исторического краеведения в прошлом и настоящем // Труды Первого Всероссийского съезда историков-регионоведов... Т. 1. С. 51.
2. Jordan Ph.D. The Nature and Practice of State and Local History. Washington : Service Center for Teachers of History, 1958. P. 6.
3. [Плишкин П.] Историческое, географическое, топографическое и статистическое описание города Переславля Залесского, сочиненное коллежским асессором П. Плишкиным. М., 1802. С. I–II.
4. Борисов В. [А.] Описание города Шуи и его окрестностей, с приложением старинных актов. М., 1851. С. II.
5. Попанов А.Н. Город-страж на засечной черте: Историко-краеведческое повествование о шацкой земле и ее людях. Рязань, 2002. С. 9.
6. Пыльнев Ю.В., Ширяев О.Ю. Культура Воронежской области: 75-летие событий 1917 – 1991. Воронеж, 2002. С. 6–7.
7. См.: Hoskins W.G. Local History in England. London : Longman, 1972. – 1-е изд. 1959 ; Momigliano Arn. Les origines des recherches sur l'histoire // Momigliano Arn. Les fondations du savoir historique. Paris, 1992.
8. Румянцева М.Ф. Локальная история в актуальном социокультурном пространстве // Ставрополь – врата Кавказа: история, экономика, культура, политика: материалы региональной научной конференции, посвященной 225-летию г. Ставрополя / отв. ред. В.А. Шаповалов. Ставрополь, 2002. С. 28-34; Штергер М.В. Провинциальная историческая мысль последней трети XIX – начала XX века (по материалам Тобольска и Омска) Автореф. дис... канд. ист. наук. Омск, 2003. С. 9; Маловичко С.И. Тип исторического знания в провинциальном историописании и историческом краеведении // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Ставрополь, 2005. Вып. 7. С. 5–27.
9. Сукина Л.Б. Исследования одного города в различных локусах индивидуального исторического пространства : межвуз. науч.-образ. центр Ставропол. гос. ун-та и Рос. гос. аграр. ун-та – МСХА им. К.А. Тимирязева [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Б. м., б д. URL: <http://www.dewlocalhistory.com/node/183> (дата обращения: 05.06. 2012).
10. [Плишкин П.] Историческое, географическое, топографическое и статистическое описание города Переславля Залесского... С. XIII.
11. Barnhart T.A. Of Wholes and Parts: Local History and the American Experience [Электронный ресурс] Localities/Localities. Paper1. URL: <http://www.eric.edu/localities/1/> (дата обращения: 20.06. 2012). – Работа 2000 г.
12. См.: [Шмидт С.О.] Обращение председателя Союза краеведов России, академика РАО Сигурда Оттовича Шмидта // Труды Первого

Всероссийского съезда историков-регионоведов... Т. 1. С. 33; *Козлов В.Ф.* Краеведы как хранители и исследователи местной истории России. Краеведение как феномен провинциальной культуры: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 125-летию со дня рождения Андрея Федоровича Паладинова (1886-1971) (Омск, 27-29 октября 2011 г.). Омск, 2011. С. 2. Introduction: Local History in the Twenty-First Century... P. 1.

31. См., например: *Маловичко С.И., Румянцева М.Ф.* Краеведение: дисциплина исторической науки vs форма общественного сознания. Краеведение как феномен провинциальной культуры... С. 35.

32. А.П. Щапов в 1861 г. писал: «У нас доселе господствовала в отношении русской истории идея централизации; развилось даже какое-то чрезмерное стремление к обобщению, к систематизации разнообразной областной истории. Все особенности, направления и факты областной исторической жизни подводились под одну идею правительственно-государственного, централизованного развития» (*Щапов А.П.* Восточнорусские области и Смутное время (1606-1613) // *Щапов А.П.* Сочинения : в 3-х т. СПб., 1906. Т. 1. С. 648. – 1-е изд. 1861).

Через год французский историк Э. Семишон поставил проблему государственной централизации и «подавляемых» ею коммунальных и местных обычаев (*Semichon E.* Histoire de la Ville d'Atmiale et de ses Seigneurs, *Semichon E.* Les Temps Anciens Jusqu'à nos Jours. Paris, 1862), а в начале 80-х гг. XIX в. американский историк Е.К.Л. Голд отметил, что традиции государственной централизации оказались настолько сильными в науке, что внимание исследователя склонно концентрироваться на федеральной, а не на местной истории и эту тенденцию нужно преодолевать (*Gould E.K.L.* Local Self-Government in Pennsylvania // Prospectus of the Johns Hopkins University Studies in Historical and Political Science / ed. by H.B. Adams. Baltimore, 1883. P. 22).

33. *Гревс И.М.* Очерки из истории Римского землевладения (преимущественно во время Империи). СПб., 1899 Т. 1; *Лучицкий И.В.* Крестьянское землевладение во Франции накануне революции (преимущественно в Лимузене). Киев, 1898; *Богословский М.М.* Смоленское поместье в XVIII в. // Журнал министерства народного просвещения. 1899. Ч. CCCXXII. Март; *Below G. von.* Das altere Deutsche Stadewesen und Burgertum. Bielefeld, Leipzig, 1898; *Leroux A.* Le Massif Central. Histoire d'une Région de la France. Paris, 1898.

34. Краеведы, по определению В.Ф. Козлова, – исследует местную историю России (*Козлов В.Ф.* Краеведы как хранители и исследователи местной истории России... С. 20-23.

50. См.: Интернет-конференции (2003-2011): Межвуз. науч.-исслед. центр Ставропол. гос. ун-та и Рос. гос. аграр. ун-та – МСХА им. К. Тимирязева [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Б. м. б д. URL: <http://www.newlocalhistory.com/node/45> (дата обращения – 10.07.2012).

Медведев Е.В.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ПОЛИТОЛОГИЯ: К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ СИНТЕЗА

На протяжении многих столетий человеческой истории социальная практика была разделена на конкретные сферы. Соответственно и в научном познании господствовали анализ и дифференциация. Разделение труда в научном познании было оправдано тем, что, как писал К. Прутков, нельзя объять необъятное. Исторически познание начиналось с анализа и дифференциации, как способов разложения целого на составные части в целях более конкретного его познания. Такой подход был вполне оправдан в условиях освоения природной и социальной реальности на начальном этапе развития научного познания. Социальная практика была способна осваивать и применять лишь те фрагменты знания, которые могли быть востребованы при достижении конкретных целей, относящихся к интересам тех или иных исторических субъектов.

Необходимость же интеграции и синтеза стала осознаваться лишь после теоретического «открытия» диалектики как метода познания и преобразования мира, открытия, совершенного преимущественно в философии Г. В. Фр. Гегеля и К. Маркса, а практически такой подход стал востребован в условиях и в результате научно-технической революции XX века, когда общество уже на практике столкнулось с необходимостью обращения к синтезу и интеграции в научном познании, и, прежде всего, в области социогуманитарного знания.

Новый импульс этому процессу придает сегодняшняя социальная и политическая реальность, которая ставит перед наукой новые цели и задачи, обнаруживает качественно новые проблемы. Это такие проблемы как ограничение технологического роста, оптимизация потребительской сферы, преодоление социального неравенства на всех уровнях и др. Это есть это такие проблемы, которые требуют для своего решения именно интеграции знаний самого разного содержания и уровня, то есть междисциплинарного синтеза.

Речь идет о необходимости отхода от абстрактного рассмотрения отдельных сторон социально-политической реальности в пользу диалек-